– С помощью такой помады можно вызвать Пиковую Даму, – авторитетно заявила Варя, и в груди сладко заныло от предстоящего удовольствия.

Варя неделю назад вернулась из пионерского лагеря, полная всевозможных важных для третьеклассницы умений и социальных навыков – предсказывать судьбу по руке, вызывать Пиковую Даму или гнома-матерщинника! Оля завидовала ей лютой завистью хорошей девочки, которую никогда никуда не отпускают.

Сегодня был особенный вечер – впервые в жизни Оле разрешили остаться у старшей подруги с ночёвкой. Девочки обещали друг другу вообще не ложиться спать, и это было несложно – Варина мама ушла в больницу на ночное дежурство, а сестра Галина немедля убежала гулять со своим.

Оставшись в квартире одни, Оля с Варей послушали все Галины кассеты, а одну из них, итальянскую, аж трижды. И подпевали, фальшивя и перевирая слова песен, и прыгали по широкой родительской кровати, пытаясь коснуться потолка, расплёскивая беспричинное музыкальное ликование, и кружились, держась за руки, до зелёных пятен в глазах.

– А я тоже буду певицей, – отдышавшись, сказала Варя. – Или лучше врачом. Я ещё не решила точно.

И они посмотрели картинки в медицинской энциклопедии, в которой всё было страшно по-настоящему. «Оля, ты такая внутри!» – шептала Варя, недоверчиво глядя на человека в разрезе.

Суп в холодильнике они не заметили, но зато обнаружили в буфете заныканный к праздникам кулёк с конфетами и съели по одной и ещё по одной, а потом Варя гордо, как свои, показала мамины выходные туфли – ярко-красные, блестящие, как леденцы, с тонюсенькими каблуками. Примерить туфли она не дала, и Оля твёрдо решила, что, когда она вырастет, у нее таких будет много.

Вволю налюбовавшись туфлями, девочки съели ещё по конфете, вытащили из тумбочки Галины её косметичку, густо намазали лица тональным кремом и раскрутили все тюбики с помадой, от которой пахло так, что хотелось её надкусить.

И тут Варя вспомнила про Пиковую Даму.

– Это очень просто, – сказала она. – Пиковая Дама всегда появляется, когда её зовут. И гномик-матерщинник, кстати, тоже, но его мы

вызовем потом. Очень важно всё сделать верно, – покровительственным тоном говорила Варя, густыми помадными линиями рисуя на зеркале в ванной комнате лестницу с дверцей на самом верху. – Как только увидишь огонёк на верхней ступеньке, надо немедленно всё стереть, иначе Пиковая Дама выйдет из зеркала и задушит тебя.

«Может, лучше не надо?» – хотела сказать Оля, но, застыдившись, промолчала.

Варя принесла из кухни тонкую зажжённую свечу, и по кафельным стенам ванной медленно потекли зыбкие полуживые тени. У Оли от волнения похолодели уши.

– Пиковая Дама, приди! – торжественно прошептала Варя, обеими руками сжимая свечу. – Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди!

Оля зажмурилась, застыв в неудобной позе на краю ванны. Под закрытые веки прокрадывался свечной оранжевый свет. В такие минуты остро чувствуешь, что у тебя есть позвоночник и солнечное сплетение, в котором что-то шевелится и щекочет.

Внизу, у соседей, прокашлялся кран, заунывно зашумела вода. Варя тихо сказала:

– Смотри, смотри, вот она….

Зеркало отражало темноту, загогулисто исчирканную помадой. Оля задержала дыхание и всмотрелась в глубину зеркала, хотя больше всего ей хотелось сейчас убежать в комнату и забиться под плед и чтобы мама была дома, на кухне, в тёплых ароматах будущего ужина с пирогами.

И вдруг на тысячную долю мгновения померещилось Оле, что из зеркала выглянул кто-то – нечеловек – и пристально посмотрел ей прямо в глаза. Этот холодный взгляд был таким острым, что немедленно коснулся сердца. Оля закричала, и в эту же самую секунду раздался и Варин визг. Началась ужасная суматоха: Варя схватила и задула свечу, отпихнула Олю и бросилась стирать лестницу с зеркала первой попавшейся тряпкой, нет, полотенцем, так быстро, как будто у неё было несколько рук.

– Она пришла… – причитала Варя, – нам конец теперь… Она нас убьёт!

Оля стремглав выскочила из ванной, не разбирая дороги, до слёз больно ударилась косточкой локтя о дверной косяк и затормозила прямиком в мягкий полный живот сестры Галины, так некстати вернувшейся домой со свидания.

– Ой-ёй! – взвизгнула Галина.

– Ой! – согласилась Оля.

Варя безуспешно пыталась скрыть следы преступления: красная помада была отменной стойкости и размазалась по зеркалу живописными разводами. Галина, однако, шедевра не оценила, зато немедленно опознала помаду и от души влепила Варе увесистый подзатыльник.

Гнома-матерщинника решили не вызывать.

Засыпать не дома оказалось неуютно и громко – чужое дыхание под ухом, чужие сны, порхающие вокруг, непривычная постель. Сна не было ни в одном глазу. Варя, лёжа рядышком, нашёптывала очередную страшную историю:

– Это мне Маша рассказала! Они с подругами тоже начали вызывать Пиковую Даму, и уже позвали её, но тут им послышался шорох, они испугались и включили свет. А потом увидели, что в колоде с картами нет пиковой дамы, они обыскали всю комнату, но карту не нашли! Подружки ушли домой, а Маша легла спать, но в три часа ночи проснулась, потому что какой-то жуткий страх на неё напал. Она посмотрела на кресло, которое стояло в комнате, – Варины глаза возбуждённо блестели в темноте. – Там сидела женщина в чёрном платье, а лицо – под вуалью, лишь злая улыбка была видна. Сидела молча и неподвижно, только улыбалась, а Маша от страха не могла ни пошевелиться, ни закричать. Ровно в шесть утра Пиковая Дама исчезла, на кресле осталась карта, пропавшая из колоды. Это всё по правде было!

Оля слушала её и верила, что вызванная ими ради баловства из мира мёртвых Пиковая Дама всё идёт и идёт с того на этот свет по подземному коридору, в темноте, со свечой в руках. Путь неблизкий, но совсем скоро она появится здесь. Если медленно досчитать до ста и открыть глаза, то можно будет увидеть, как она, настоящая, аккуратно приподняв подол чёрного кружевного платья, перешагнёт через порог, обмахнётся веером и сядет на круглый табурет у Вариного пианино. Из-под вуали она взглянет на Олю, а Оля наберётся смелости и спросит, что на самом деле происходит с человеком после смерти.

Думать о таком было страшно, но вовсе не тем сладким страхом, ради которого и вызывают Пиковую Даму и рассказывают истории о привидениях, и не той боязнью, приходящей рано утром к кабинету с жуткой табличкой «Забор крови». Нет, это напоминало внезапный и неле-

пый страх, когда ты, поклявшись смертью мамы, забываешь об этом, а потом вдруг вспоминаешь, что обещание не сдержала, и понимаешь, не маленькая, что все эти дурацкие клятвы – ерунда, но всё же долго не отпускает ощущение прикосновения ледяной руки к позвоночнику, а мысль «вдруг?» так и вьётся вокруг, злая и надоедливая, как августовская оса.

Ещё говорят, если позвонить по телефону 66-66-66, трубку может снять чёрт. Оля представляла себе безграничную пустыню, залитую туманом, не позволяющим увидеть что-нибудь дальше одного шага, и посреди тумана – одинокую ярко-красную телефонную будку (как на фотографии в учебнике английского). В будке сидит коренастый косолапый чёртик в отутюженной форме швейцара. Он раздражён – телефон звонит постоянно. Ему не нравится его работа, и потому он часто спит, играет в карты и разгадывает кроссворды, не отвечая на звонки. Но иногда он всё же снимает трубку, и тогда его можно попросить позвать к телефону кого-нибудь из мира мёртвых. Только об этом разговоре никому нельзя рассказывать. А если расскажешь, то за тобой придут и тебя заберут. Или кого-нибудь из твоих близких. Одна девочка по секрету сказала подруге, и ни её, ни подругу никто больше не видел….

Оля один раз набралась смелости и позвонила, но телефонист был не в настроении, и женский механический голос ответил: «Неправильно набран номер». Больше она не пыталась. Боялась, что не сможет сохранить секрет. Но если бы всё же дозвонилась, то наверняка сказала бы какую-нибудь ерунду, например: «У Машки родились котятки. Один был совсем слабенький, мы с мамой кормили его из пипетки. Он уже пытается встать, только лапки еще разъезжаются и мяукать не умеет».

Или: «Санька вообще ненормальный. Мы с ним всё время дерёмся. В субботу он выстрелил в меня из трубочки ранеткой и попал по лицу. Теперь у меня синяк рядом с глазом. Мама говорит, это всё потому, что я красивая, и потом будет ещё хуже. А папа сказал, что поймает его и вставит ему эту трубочку в одно место. Но пока не поймал».

Или: «Я теперь живу в твоей комнате. Там нет ни твоей кровати, ни тумбочки, и больше не пахнет лекарствами. Кровать увезли на дачу, а мне купили новую тахту. Я просила двухэтажную кровать, такую, чтобы каждый день спать, как в поезде, но мама сказала, что это глупо, когда один ребёнок. Я пожалела, что у меня нет брата, но потом подумала, что он бы всё равно спал наверху, и сразу перестала жалеть».

Или: «Мама говорит, ты умер, потому что курил. Я никогда в жизни не буду курить».

Оля не видела его мёртвым. Не захотела посмотреть. Запомнила только ноги. Самые обыкновенные ноги деда – чёрные отутюженные брюки, носки и новенькие лакированные ботинки. В таких только танцевать, кружить барышень под ритмы рок-н-ролла, веселиться, быть живым, а не лежать здесь, в комнате с занавешенными зеркалами. «Поэтому и ботинки такие, – подумала Оля, – чтобы ловчее было танцевать в другом мире под неведомую музыку».

Там, в ином мире, наверняка сохранилась старая квартира из снесённого дома. На стене по-прежнему висят часы с маятником, но время остановилось. Изо дня в день кот Тимка урчит в любимом углу дивана, лениво обмякнув на вышитой подушке; папин брат Ванюшка, трёхлетним упавший в колодец, катает по полу грузовичок; прабабушка и прапрабабушка солят на кухне огурцы и сплетничают о соседях. А молодая бабушка, готовясь идти на танцы, красит губы вишнёвой помадой, крутится перед зеркалом в летящем платье и хохочет, когда дед подхватывает её за талию, а она, зацепившись за его шею, дрыгает в воздухе ногами.

Оля видит их, молодых, счастливых, влюблённых, нездешних, и проплывает дальше, сносимая во взбитое пуховое облако крепкого сна.